

Энь Цзинь задрал голову и безудержно рассмеялся; его смех резал слух:

— Янь Хэн, я давно убил этого ребенка. Хочешь увидеть его? Разве что мертвецы воскреснут!

Жаль только того малыша, что перед смертью умолял меня пощадить тебя, — холодный голос Энь Цзиня напоминал шипение ядовитой змеи. — Разве я мог пощадить тебя, мой дорогой младший брат!

В глазах Янь Хэна мелькнул ледяной свет. Он сжал подбородок Энь Цзиня с такой силой, казалось, еще чуть-чуть — и кости сотрется в порошок. Голос императора стал еще леденяще:

— Эр-лан был прав. И как это ни смешно, но даже если бы ты тогда не пощадил ни того ребенка, ни меня, теперь я всё равно отнесусь к тебе со всей учтивостью.

В глазах Энь Цзиня промелькнула тень паники, но он тут же взял себя в руки:

— Какую еще игру ты затеял?

Янь Хэн разжал пальцы и принялся тщательно вытирать платком те места, которых только что касался Энь Цзиня:

— Сун Ци.

Сун Ци тут же вошел, рывком поднял Энь Цзиня на ноги, собрал внутреннюю энергию в ладони и обрушил удар на его тело.

Жгучий поток воздуха хлынул внутрь, и Энь Цзиня пронзила острая боль в висках, а все внутренности скрутило в тугой узел. Желудок перевернулся, конечности налились свинцом, тело забило в неудержимой дрожи, в то время как мышцы норовили оторваться от костей. Все ощущения слились воедино, и Энь Цзинь не выдержал — истошно завопил.

Сун Ци вовремя зажал ему рот, чтобы этот шум не оскорбил священный слух его господина.

Прошло около получаса, прежде чем Энь Цзинь затих. С потухшим взором он рухнул на колени, тяжело и судорожно дыша.

Он таращился перед собой пустыми глазами, словно выброшенная на берег рыба. Этот негодяй... он применил внутреннюю энергию, чтобы вбить ушисань прямо ему в тело!

Любуясь жалким видом поверженного врага, Янь Хэн равнодушным тоном произнес:

— Эр-лан раньше так это любил, разумеется, я должен позволить тебе наслаждаться жизнью в полной мере.

Энь Цзинь из последних сил попытался ухватить императора за полу халата, но пальцы не дотянулись — Сун Ци безжалостно наступил ему на руку каблуком. Перед глазами плыло: полы чужих одежд медленно качнулись и скрылись из виду.

Биение

Дун Ваню Юй пролежал в постели несколько дней, умерев от скуки. На этот раз Ду Цзюньбо проявил железобетонную твердость: он лично являлся по часам и следил, чтобы больной выпивал отвар, из-за чего Ду Ваню Юй при одном виде Ду Цзюньбо был готов изойти желчью.

Семья Ли прислала несколько повозок с целебными снадобьями, но Ду Цзюньбо отклонил их все, а Ли Цинь, приехавший лично выразить признательность, был выставлен за дверь.

К счастью, Ли Кэ то и дело тайком пробирался проведать друга и пересказывал ему все сплетни и новости Вэньцзина, так что Ду Ваню Юй, не покидая стен комнаты, был в курсе всего происходящего.

Полулежа на постели, Ду Ваню Юй слушал трескучую болтовню Ли Кэ о том, что Вэнь Цзе, оказывается, был замешан в деле о жертвоприношении речному божеству несколько лет назад, и на следующий же день после ареста ему снесли голову; Линь Таньцзун явился на утренний совет с расцарапанным госпожой Ван лицом, за что государь сослал его в Фучжоу за неуважение к императорскому двору; а Ли Цинь вернулся в Императорскую стражу, доведя Шэнь Гофэна до такого белого каления, что тот в тот же день приказал Шэнь Чжую стоять на коленях до рассвета.

Впрочем, Шэнь Чжуй всё равно тайком разыскал Сяо Фэна и велел тому по окончании обучения в армии сразу же идти к нему. Узнав об этом, Ли Цинь жутко разозлился: этот мальчишка был обещан ему, с какой стати отдавать его Шэнь Чжую? Они едва не подрались из-за этого, и лишь когда Сяо Фэн заявил, что намерен остаться в Императорском дворе, спор утих.

Вспоминая об этом, Ли Кэ расплывался в улыбке — если бы он не видел всё своими глазами, ни за что бы не поверил, что Шэнь Чжуй станет спорить с родным старшим братом из-за какого-то сорванца.

— На Шэнь Чжуй это похоже, — бесстрастно отозвался Ду Ваню Юй.

Ли Кэ удивился:

— Ваню Юй, откуда у тебя такое чувство, будто ты прекрасно знаешь Шэнь Чжуй?

Ду Ваню Юй слегка улыбнулся:

— Просто интуиция. То, что он вообще прибежал и передал нам слова твоего брата, уже дорогого стоит.

Ли Кэ кивнул:

— Точно! Они из-за этого инцидента даже сблизились. Боюсь представить, как взбесится Шэнь Гофэн, если узнает.

С этими словами Ли Кэ звонко рассмеялся.

Его смех тут же привлек внимание Ду Цзюньбо. Тот с бесстрастным лицом переступил порог комнаты, и перепуганный Ли Кэ, поджав хвост, дал драпака.

В конце концов, уже смеркалось, и оставаться одному на улице было небезопасно!

Сохраняя невозмутимость, Ду Цзюньбо притащил табурет, уселся у циновки и спросил:

— Тебе нечего мне сказать?

Ду Ваню Юй растерянно моргнул:

— О чём?

— Насчет особняка в Цинцинюане, — неторопливо произнес Ду Цзюньбо. — Ты ведь с самого начала знал, что Шэнь Жоянь положил на него глаз.

Ду Ваню Юй прикусил губу. Су Сюло, ну и болтун же ты, слова во рту удержать не можешь!

— Прости, Эр-гэ, я навлек на тебя неприятности, — виновато произнес он.

О том, что кто-то положил глаз на этот дом, Ду Ваню Юй случайно услышал от детей во дворе, а потому и решил без лишних хлопот обратиться в Земельную управу за свидетельством — чтобы всё было по закону и с доказательствами на руках.

Ду Цзюньбо сердито бросил:

— А заставить Сяо Лю и остальных караулить Ли Гу и донести ему, что лавку разгромил Шэнь Жоянь, — это ты тоже подстроил?

Ду Ваню Юй опустил взгляд и принялся бездумно тыкать пальцем в одеяло.

Не сдержав раздражения, Ду Цзюньбо повысил голос:

— Шэнь Жоянь ударил тебя, и я имел полное право набить ему морду. В суде я бы нашел способ выкрутиться, какого черта ты ввязался?

Ду Ваню Юй поспешно принялся оправдываться:

— Я поначалу не знал, что дом нужен Шэнь Жояню. Я узнал, кто он такой, только когда он появился в «Заботу лекаря» и назвал свое имя.

Выражение лица Ду Цзюньбо немного смягчилось:

— Раз уж дело об убийстве в «Весеннем ветерке» закрыто, а Сяо Фэн согласился идти в Императорский двор, сиди дома и поправляйся! Бездельничать и шастать где попало я тебе не позволю!

Но Ду Ваню Юй тихо возразил:

— Если Шэнь Чжуй и соберется забрать его в Императорский двор, то никак не раньше, чем мальчику исполнится пятнадцать. Сяо Фэну ведь сейчас всего четырнадцать, верно?

У Ду Цзюньбо запульсировало в висках:

— Ваню Юй, что ты снова затеял?!

В мягких глазах Ду Ваню Юя заплямовали веселые искорки:

— Я хочу пристроить Сяо Фэна в свой Цинцинюань.

Ду Цзюньбо опустил голову и со злостью вжал пальцы в виски.

А Ду Ваню Юй продолжал гнуть свое:

— Я знаю, что Шэнь Чжуй сначала устроит Сяо Фэна куда-нибудь в другое место, но найдется

ли в Вэньцзине хоть одно место лучше Цинцинюаня? Пусть Сяо Фэн полгода поживет у нас, мы сделаем ему новые документы, а оттуда уже и в армию податься можно — так ведь будет намного лучше?

Лучше ему!

Ду Цзюньбо со всего маху хлопнул ладонью по одеялу. Ду Ваню Юй испуганно вздрогнул, а старший брат с мрачным лицом отчеканил:

— Если ты хочешь, чтобы Сяо Фэн попал в Цинцинюань, тебе неизбежно придется контактировать с Шэнь Чжужем. Думаешь, я не догадываюсь, что у тебя на уме?

Быть пойманным с поличным Ду Ваню Юй ничуть не смутился. Расплывшись в улыбке, он беззаботно бросил:

— Раз уж ты всё понял, делай вид, будто ничего не заметил!

— А как же Сяо Доуцзы? — в отчаянии воскликнул Ду Цзюньбо. — Как ты потом посмотришь ему в глаза? Что ты ему скажешь?

— Он пока еще мал, — невозмутимо ответил Ду Ваню Юй. — Со временем я всё ему объясню, и он сам примет решение.

— Ему всего четыре года! — взвился Ду Цзюньбо. — Какое решение он может принять?!

Ду Ваню Юй тоже повысил голос:

— А с какой стати мы решаем за него? Эр-гэ, у него своя собственная жизнь. Неужели запирают его в семье Ду — это действительно благо для него?

Встретившись взглядом с Ду Ваню Юем, Ду Цзюньбо вновь почувствовал, что в словах младшего скрыт какой-то тайный смысл.

Уняв резкость, Ду Ваню Юй тихо проговорил:

— Прости, Эр-гэ, я вспылил...

Ду Цзюньбо смягчил тон:

— Ваню Юй, разве не лучше было бы, если бы он спокойно и счастливо рос на Цзянбее и управлял нашими делами там?

Ду Ваню Юй закрыл глаза, прислонившись головой к изголовью. Перед внутренним взором промелькнула нежная улыбка Шэнь Цси, чей голос звучал совсем рядом:

— Супруг мой, скорей взгляни, он толкается! Толкается!

Эти слова, полные материнской радости и надежды, отдавались эхом в голове Ду Ваню Юя. В ночных кошмарах к нему неизменно возвращалось то же лицо, обращенное к нему с улыбкой, та же кроткая вышивка на платках, но в конце видения всё превращалось в бледный труп, под которым растекалась лужа крови, пока мать с рыдающим младенцем на руках всё дальше и дальше ускользала от него.

Открыв глаза, Ду Ваню Юй с горечью произнес:

— Эр-гэ, я дал Цси слово, что привезу Сяо Доуцзы в Вэньцзин и познакомлю с Шэнь Чжужем. Данное слово нельзя нарушать.

— Как у тебя рука поднимается?! — гневно воскликнул Ду Цзюньбо.

Да и как у всех в семье Ду могло подняться...

Семья Ду отдала Сяо Доуцзы всю свою нежность и заботу, моля лишь о том, чтобы ребенок рос счастливым и здоровым. А Ду Ваню Юй нянчился с мальчиком с самого рождения — не прикладывал руку разве что к грудному вскармливанию, а остальное делал сам.

С оттенком сожаления в голосе Ду Ваню Юй промолвил:

— Я не хочу, чтобы этот ребенок прожил жизнь в таком же неведении, как я. У него есть право увидеть родного отца.

Ду Цзюньбо вскочил на ноги:

— Что за бред ты несешь?!

Взгляд Ду Ваню Юя скользнул к столу, где покоилась коробочка. В ней лежала каменная резьба, купленная в день Циси — подарок, который Янь Хэн прислал спозаранку.

— Каковы главные диковинки Юйчжоу, помимо супа хулатан? — неожиданно спросил Ду Ваню Юй.

В сердце Ду Цзюньбо тревожно зазвенели колокольчики. Проследив за взглядом младшего, он поспешно ответил:

— Да что там кроме еды может быть? Всякая мелочевка. Вроде вот этих каменных фигурок — когда я был в Юйчжоу, накопил их столько, что они валялись повсюду.

Тут же сообразив, что сболтнул лишнего, он осёкся. И точно: Ду Ваню Юй, глядя на него спокойным, как гладь озера, взглядом, безжалостно разрушил его защиту:

— Эр-гэ, торговец, продавший мне эту резную фигурку, в детстве перебрался в Юйчжоу с семьей, а родом он из Личжоу. Главная же гордость Юйчжоу — это ароматические саше, верно?

В праздник Циси на улицах продавали мешочки-саше, и почти все торговцы были родом из Юйчжоу. Лишь тот единственный лавочник торговал резным камнем, потому-то Ду Ваню Юй и купил фигурку именно у него.

Слова Ду Ваню Юя заставили Ду Цзюньбо замереть с остолбеневшим выражением лица.

Как он мог забыть! Стоило утром принести подарок, как Ду Ваню Юй с воодушевлением отобрал несколько фигурок и подарил ему, а заметив тонкую работу, стал нахваливать. Сам же Ду Цзюньбо тогда усмехнулся, бросив, мол, ничего особенного, а потом еще и отнекался, сказав, что к подобным безделушкам равнодушен.

— Эр-гэ, — раздался тихий голос Ду Ваню Юя. — Ты ведь такой умный. Наверняка выучить юйчжоуский диалект для тебя не составило никакого труда. Ду Чуаньбай резко бросил: — Ты куда разговорводишь? Мы толкуем о Сяо Доу-цзы, к чему ты это всё заводишь!

В этот момент вошла Су Сюлоро с лекарством. Заметив неладное, она поспешно поставила миску, чтобы разрядить обстановку: — Это еще что такое? Ду Эр, ты опять обижаешь Ван Юй, кожа совсем зудит, тумачков захотелось?

Ду Чуаньбай отвернулся, а Ду Ванюй опустила голову и молчала. Су Сюлоро со злости крепко ущипнула Ду Чуаньбая за руку. Тот поморщился и яростно взмахнул рукавом, отчего Су Сюлоро по инерции шмякнулась прямо в объятия Ду Ванюй и жалобным голосом попросила Ду Ванюй подуть на ушиб.

Пинув стоявшую рядом табуретку, Ду Чуаньбай бросил: — Делай что хочешь, можешь больше ничего мне не рассказывать!

Су Сюлоро крикнула ему вслед: — Ду Эр, на что ты злишься!

Ответом ей стал грохот хлопнувшей двери.

Су Сюлоро похлопала себя по груди и сказала: — Ванюй, я так испугалась, сегодня ночью я буду спать с тобой.

Ду Ванюй попыталась договориться: — А можно я сегодня не буду пить лекарство?

Су Сюлоро подняла пиалу с отваром и улыбнулась невероятно мило: — А как ты думаешь?

Ду Ванюй не оставалось ничего другого, как с кислым лицом осушить лекарство до капли. Немного переведя дух, она наконец чуть порозовела в лице.

Су Сюлоро стоило прийти лету, как ей непременно хотелось прижаться к Ду Ванюй — ей нравилось, что от той веяло приятной прохладой, а сама она была такая мягкая на ощупь. Искупавшись, обе легли в постель, и руки Су Сюлоро тут же принялись шарить: то по руке Ду Ванюй пройдутся, то по талии, а в конце замерли на груди Ду Ванюй.

Су Сюлоро озадаченно произнесла: — Ванюй, ты каждый день... у тебя грудь от этого не уменьшится?

Этот вопрос поставил Ду Ванюй в тупик. С тех пор как она себя помнила, она всегда носила мужскую одежду. Тугая повязка вошла в привычку, и о размере собственной груди она как-то никогда особо не задумывалась.

Су Сюлоро потрогала себя и удивилась: — Ого, да у Ванюй грудь оказывается даже больше моей!

Одетая лишь в нижнюю сорочку Ду Ванюй действительно выделялась чуть более заметными

округлостями, чем Су Сюлоро.

— Да неужели? — Ду Ванюй протянула руку и коснулась груди Су Сюлоро: — Дай-ка муженек проверит, не ровная ли там степь!

Стоило ее пальцам коснуться ткани, как Су Сюлоро не выдержала: — Айя, Ванюй, какие у тебя холодные руки!

Ду Ванюй лукаво усмехнулась: — Матушка, покорись же мне.

Су Сюлоро жеманным голосом заправской куртизанки протянула: — Не желаю я, пощади служанку, господин!

Их голоса становились все громче, но постепенно накатывала сонливость. Они перебрасывались редкими фразами, пока наконец обе не заснули.

Подвернутая нога Ду Чуанбай не дал Ду Ванюй возможности возразить и сам разыскал Шэнь Чжуй, предложив временно пристроить Сяо Фэна во дворец Тэнцин, а когда мальчику исполнится пятнадцать лет, позволить ему поступить на военную службу. Шэнь Чжуй уже перепробовал множество мест для устройства Сяо Фэна, но ни одно из них не казалось подходящим. Предложение Ду Чуанбая было выгодным и ничем не грозило, поэтому, спросив мнение самого Сяо Фэна, он дал согласие. Ду Чуанбай выдвинул лишь одно условие: Шэнь Чжуй запрещалось по собственной воле навещать Сяо Фэна во дворце Тэнцин, они могли встречаться только за его пределами.

Вспомнив об истории Шэнь Жояня и Ду Ванюй, Шэнь Чжуй не стал задавать лишних вопросов и кивнул.

Узнав об этом, Ду Ванюй несколько дней не разговаривала с Ду Чуанбаем. Су Сюло, зажатая между ними двумя, оказалась в крайне трудном положении и просто закинула за спину корзину для трап, решив уйти в горы на поиски целебных растений. Перед уходом она не забыла воткнуть в тело Ду Чуанбая несколько игл.

Возможно, ей не повезло: среди бесчисленных трав на горе именно рядом с тем растением, которое она сорвала, пряталась змея. Испугавшись, она бросилась бежать, прижимая к груди корзину, но поскользнулась, мир вокруг нее закружился, и она потеряла сознание.

Тун Яньчжи резко натянул поводья, чудом предотвратив удар копыт коня о покотившегося сверху человека. Спрыгнув на землю и присмотревшись, он узнал ту самую дерзкую девчонку, которую они похитили несколько дней назад. Проверив ее дыхание и убедившись, что она жива, Тун Яньчжи без лишних слов взвалил ее на коня и увез в горную крепость Таншань.

Едва вернувшись, он сразу же отправился к Янь Хэну с докладом. Его поездка в Тайчжоу, а

затем в Фучжоу принесла результаты, которые оказались весьма неожиданными.

Пять лет назад в одном отдаленном уездном городке под Фучжоу произошел жуткий случай: местного речного божка попытались умиловить жертвоприношением из мальчиков. Расследование показало, что внештатный преподаватель местной школы умышленно манипулировал сознанием людей. Этот самый преподаватель оказался родным младшим братом наложницы Янь Цзиня, и, потянув за эту ниточку, они выяснили, что за всем этим стоял сам Янь Цзинь.

Именно из-за этого инцидента Янь Цзинь был лишен титула Южного вана, после чего, загнанный в угол, решился на государственный переворот.

Тогда время поджимало, и собранных ими улики было достаточно, чтобы осудить Янь Цзиня. Однако когда Тун Яньчжи по письму Янь Хэна углубил расследование, то обнаружил, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем они предполагали в прошлом.

Те дети, которых якобы принесли в жертву, бесследно исчезли. По официальной версии их бросили в воду, утопили, а затем кремировали тела, чтобы создать иллюзию того, что речной божество забрало их на дно. На самом же деле детей передали в руки людей с извращенными наклонностями. Над ними измывались и истязали их, обрекая на жизнь, которая была хуже смерти.

В то время как Янь Хэн перечислял в императорском зале преступления Янь Цзиня, использовавшего имя речного божка для одурманивания народа, тех детей тайком казнили. После падения Янь Цзиня эти звери в человеческом обличье продолжили спокойно разгуливать по свету, притворяясь порядочными людьми.

Вспоминая об этом, Тун Яньчжи до боли сжимал челюсти, готовый в ту же секунду собственноручно прирезать эту свору нелюдей. Янь Хэн длинными изящными пальцами вскрыл конверт. Имя на листе бумаги почти не расходилось с его догадками. Он опустил список и холодно произнес:

— Передай Линтаньскому клану: при удобном случае избавиться от фучжоуского префекта.

Нынешний фучжоуский префект в те годы был тем самым правителем маленького городка. Поскольку тогда он по собственной инициативе предоставил улики, чтобы свергнуть Янь Цзиня, Янь Хэн оставил ему жизнь. Тот утаил историю о том, как переправлял детей на продажу в качестве мальчиков для утех, и Тун Яньчжи считал, что даже смерть станет для него слишком легким наказанием.

Но Тун Яньчжи знал: в некоторых делах нельзя идти на поводу у собственных порывов. В списке значились все — и те, кого можно тронуть, и те, кого нельзя. Некоторые из этих людей в последние годы вели себя вполне смирно, и нужды расправляться с ними пока не было.

Сун Ци бесшумно вошел в комнату, отвесил поклон Янь Хэну, а затем обратился к Тун Яньчжи:

— Второй господин Тун, ступайте взгляните, там у госпожи Су бунт.

Тун Яньчжи велел Сяо Цзиню обработать раны Су Сюло, но стоило Сяо Цзиню узнать, что второй господин притащил именно Су Сюло, как он наотрез отказался показываться ей на глаза. Остальные за недавний захват в заложники уже схлопотали знатную порцию наказаний и еще не оправились от пережитого страха — никто не смел взяться за это дело. Су Сюло подвернула ногу, а едва открыв глаза и обнаружив, что она снова в Таншаньской горной крепости, уперла руки в боки и вдоль и поперек отчитала всех обитателей твердыни.

Тун Яньчжи издалека услышал яростные крики Су Сюло. Беднягам из Таншаньской крепости — дюжим здоровым мужикам — Су Сюло устроила такую выволочку, что несколько человек расплакались и выбежали вон, утирая слезы. Один из них нес таз с водой, расплескав столько жидкости, что Тун Яньчжи чуть не поскользнулся.

Ухватившись за косяк двери, Тун Яньчжи мысленно придушил бы Су Сюло и в сердцах выругался:

— Безумная и бессовестная девчонка, тебя бы лошадью затоптать!

На щеках Су Сюло еще играл легкий детский пухлый румянец, и даже когда ее прекрасные глаза грозно сужались, это вовсе не выглядело свирепо — напротив, придавало ей капризное и милое очарование. Стоя у кровати и слегка приподняв одну ногу — судя по всему, она все же подвернула лодыжку, — она ткнула в Тун Яньчжи изящным пальчиком:

— Эй ты, иди сюда.

Она была первой, кто осмелился назвать себя «старухой» перед лицом Тун Яньчжи. Помня о том, что она женщина, Тун Яньчжи сжал зубы и медленно подошел к ней.

Су Сюло слегка подалась вперед, внимательно оглядывая его с ног до головы, а затем выпрямилась:

— Ладно, раз уж ты уродился симпатичным, прощаю тебя.

Тун Яньчжи на мгновение возгордился: еще бы, сколько он жил на свете, никто и никогда не называл его, второго господина, дурнушкой или уродиной.

— Правда, по сравнению с Ду Чуаньбо ты — сущая ваныщина.

Следующая же фраза Су Сюло вмиг разбила всю гордость в глазах Тун Яньчжи.

Ду Чуаньбо был хорош собой, но неужели он, Тун Яньчжи, хоть в чем-то уступает Ду Чуаньбо!

Не выдержав, Тун Яньчжи возмутился:

— С таким зрением, как у тебя, боюсь, ты до конца дней в девках просидишь.

Су Сюло терпеть не могла, когда ей заявляли, что она не сможет выйти замуж. Она попыталась пнуть его ногой, но позабыла, что ее нога травмирована, и от малейшего движения вскрикнула от боли.

Больше всего на свете она боялась боли, поэтому тут же плюхнулась на кровать, а из глаз крупными горошинами потекли слезы.

Стоило ей заплакать, как Тун Яньчжи тут же растерялся:

— Постой, ты чего реवेशь? Ты... Я ведь тебе ничего не сделал!

Заливаясь слезами и всхлипывая, Су Сюло шмыгнула носом:

— М-мне... мне больно в ноге.

Тун Яньчжи опустил взгляд: правая лодыжка Су Сюло странно выпирала, опухоль явно была сильной.

Тун Яньчжи одновременно злился и сдерживал смех: куда делся ее грозный нрав, с которым она только что ругалась?

— Разве ты не врач? — съязвил Тун Яньчжи. — Целитель прежде всего должен исцелить самого себя, неужели ты не знаешь столь простейшей истины?

И все же, говоря это, Тун Яньчжи присел на корточки, бережно обхватил травмированную лодыжку Су Сюло и снял с нее обувь и носки.

Нежная кожа на щиколотке была сплошь покрыта синяками. Стоило ему лишь прикоснуться, как Су Сюло снова залилась слезами и завопила:

— А-а-а... Потише, как же больно!

Выплюнув пробку от пузырька с мазью, Тун Яньчжи бросил:

— Придется потерпеть. Уж лучше короткая боль, чем долгие мучения.

Сильная рука Тун Яньчжи бережно охватила лодыжку Су Сюло, втирая лекарство с умеренным усилием. Все это время Су Сюло вовсю орала, и когда Тун Яньчжи наконец закончил, ее горло уже осипло, а в живых больших глазах плескались слезы, и она продолжала время от времени всхлипывать.

Тун Яньчжи поднял голову: пара заплаканных глаз в упор смотрела на него, а во взгляде читалась такая обида, словно она пережила величайшую несправедливость на свете.

Тун Яньчжи нашел это забавным: он же из добрых побуждений намазал ей ногу, так за что же она смотрит на него как на врага?

Осипшим голосом Су Сюло произнесла:

— Ты бессовестный.

Тун Яньчжи опешил от смеха: с какой стати это он бессовестный?

— Мой наставник говорил, что чужим людям нельзя показывать женские ноги, иначе замуж не выйдешь. Я точно теперь не выйду! — причитая, Су Сюло снова горько зарыдала.

Тун Яньчжи на миг замер. И как он мог забыть, что женскую ногу нельзя показывать кому попало?

Присев на корточки, Тун Яньчжи мягко и аккуратно надел на Су Сюло обувь и носки, после чего ласково утешил:

— Перестань плакать, я... Если ты и правда не сможешь выйти замуж, я подыщу тебе хорошего жениха.

<http://bllate.org/book/21032/2138865>